

Шао Циньхань, вероятно, только что принял лекарство, и его разум еще не проснулся, поэтому он закрыл глаза при этих словах, не зная, верить ему или нет. Увидев, что волосы у него на лбу намокли от холодного пота, Шэнь Лян снова поднес стакан с водой к его рту. Он прошептал: "Выпей немного горячей воды".

На дне стакана лежали две фруктовые конфеты, которые медленно таяли, растворяясь в воде, пока совсем не исчезли. Шао Циньхань медленно открыл глаза, затуманенным взглядом посмотрел на его лицо и снова спросил, как бы для подтверждения: "Шэнь Янь?"

Шэнь Лян многозначительно приподнял брови и поверхностно кивнул: "Это я, выпей воды".

На этот раз Шао Циньхань не сопротивлялся и был неожиданно послушен, выпив стакан воды из его руки.

Шэнь Лян был рад это видеть. Оказалось, что слова "Шэнь Янь" были лучше императорского указа. Он отставил стакан в сторону и, испытав редкий момент сострадания, встал и сказал: "В холодильнике есть рис, я разогрею его для тебя".

Как только слова слетели с его губ, его запястье схватила липко-холодная рука. Хватка была напряженной, как будто он боялся, что собеседник может ускользнуть, но он был слаб.

Шао Циньхань лежал на диване, изо всех сил стараясь взглянуть на него, его растрепанные волосы закрывали темные глаза на все более бледном лице, с губ текла кровь: "Не уходи..."

Кончики его пальцев сжались, он выглядел слабым и растерянным: "Не уходи..."

Услышав эти слова, Шэнь Лян замолчал, он посмотрел на свою сжатую руку, а затем на Шао Циньханя. На мгновение атмосфера разрядилась.

Шэнь Лян надеялся, что он отпустит его по собственной воле, но Шао Циньхань не собирался его отпускать. Несколько секунд спустя Шэнь Лян смог только сесть обратно, он сам не знал, о чем думал. Похлопав себя по коленям, он произнес: "Хорошо, я побуду с тобой некоторое время".

Посмотри на себя, какой ты жалкий.

Напряженные нервы Шао Циньханя, наконец, казалось, немного расслабились. Он закрыл глаза, чтобы сдерживать приступы боли, устроился на коленях у Шэнь Ляна, затем схватился за край его рубашки и прошептал: "Не уходи".

Эти два слова больше не были произнесены в трансе и почему-то прозвучали немного умоляюще. Шэнь Лян подумал, куда ему идти. У него нет с собой денег. Он увидел, что Шао Циньхань все это время прикрывал свой живот, его левая рука легла на талию собеседника, и его теплая ладонь сразу же заменила холодную руку Шао Циньханя, нежно потирая ее для него.

В любом случае, персонажи романа ожили, и такого рода вещи все еще казались нереальными. Но есть кровь, есть плоть и есть температура.

Шэнь Лян знал, чем все это закончится, но казалось, что он об этом не догадывался. Книга не может оборвать долгую жизнь человека. В ней всего несколько мазков кисти, и даже автор не знает, что произойдет, за исключением вовлеченных в сюжет людей.

Например, “У Шао Циньхана с детства был недуг”, что именно это за недуг? Шэнь Лян не знает, он просто использовал эти слова в книге, чтобы подвести итог детству этого злодея. Он не осмелился углубляться или детализировать, в конце концов, он был всего лишь бумагомаратель. Шэнь Лян знал свой конец, но он ничего не знал о своем прошлом, как будто он был чистым листом бумаги. Итак, по-прежнему не было никакой подсказки о том, как спасти Шао Циньхана.

В темноте ночи Шэнь Лян, в конце концов, почувствовал легкую головную боль от своего нынешнего положения. Он со скучающим видом подпер подбородок и неосознанно опустил глаза, только чтобы обнаружить, что Шао Циньхань тихо дышит, как будто спит, а длинные ресницы отбрасывают красивую тень под его зелеными глазами.

Шэнь Лян на мгновение потер кончики пальцев. Если бы у него была возможность переписать рукопись в будущем, он, возможно, подумал бы об удалении параметра “болезнь желудка”.

Он осторожно приподнял голову Шао Циньхана, затем размял свои больные и онемевшие ноги, прежде чем встать с дивана, лениво потягивая спину. Шэнь Лян внезапно умер, потому что не спал всю ночь. Он посмотрел на часы и уже было направился к лестнице, чтобы подняться в свою комнату и лечь спать, но пройдя пару шагов подумал, что оставлять Шао Циньхана внизу будет не очень хорошей идеей. Поразмыслив некоторое время, он все же вернулся к кушетке и наклонился, чтобы поднять его на руки.

Шао Циньхань выглядел высоким, но оказался легким и нести его на руках было не очень тяжело.

Шэнь Лян быстрыми шагами поднялся вверх, думая, что ему повезло жить на втором этаже, если бы он жил на третьем, он бы просто оставил Шао Циньхана внизу.

Коридор был освещен тусклым светом. Шэнь Лян нашел комнату Шао Циньхана и положил его на кровать, затем сам сел на пол и опустил голову, чтобы отдышаться. Каким бы легким ни был Шао Циньхань, он все еще был взрослым мужчиной, так что поднять его не составило труда. Но нести его было нелегко. Шэнь Лян приподнял подол рубашки, чтобы обмахнуться, думая, что он никогда больше не напишет роман с таким дрянным описанием, как “легкий, как перышко”.

Посидев несколько секунд на полу, Шэнь Лян достаточно отдохнул и встал, чтобы пойти в свою комнату. Но как только он встал, позади него внезапно раздался глубокий и непостижимый звук, похожий на всплеск в луже с водой, который прозвучал особенно резко в темноте.

“Шэнь Янь сказал тебе держаться от меня подальше, почему ты не слушаешь?”

Шаги Шэнь Ляна остановились, он неосознанно посмотрел в сторону кровати, но увидел, что спящий мужчина в какой-то момент проснулся и смотрит на него не мигая, как будто может заглянуть в сердце человека. Шэнь Лян на мгновение застыл, прежде чем понял, о чем он спрашивает. Сегодня он разговаривал на лестнице с Шэнь Янем. Могло ли оказаться так, что Шао Циньхань услышал их? Неудивительно, что степень очернения необъяснимым образом увеличилась на 2% во второй половине дня.

Шэнь Лян всегда был готов взбаламутить мутную воду, он улыбнулся и сказал: “Может быть, ты ему нравишься, и именно поэтому он не хочет, чтобы я подходил к тебе слишком близко”.

Чистейшая чушь.

Услышав его слова, Шао Циньхань встал с кровати. На его красивое бледное лицо упала выбившаяся прядь волос. Сначала он по привычке прикрыл живот, но по какой-то причине снова медленно опустил руки, настороженно посмотрел на Шэнь Ляна и сказал: “У тебя хватает смелости говорить глупости, но больше всего в своей жизни мне не нравится, когда люди лгут мне...”

Это была ненависть, а не неприязнь.

Его эмоции всегда сильнее, чем у других.

Если рядом сумасшедший, ему нужно подыграть. Шэнь Лян похлопал себя по груди и пообещал: “Не волнуйся, я найду способ заставить Шэнь Яна полюбить тебя”.

“Полюбить?” Шао Циньхань внезапно приподнял уголки рта, придвигаясь ближе к Шэнь Ляну: “Нет, я боюсь... Я боюсь, что.... он боится меня...”

Шао Циньхань был гордым человеком. В этот момент ночь была спокойной, но он злобно обнажил свою кожу и смеялся над фактами, которые он скрывал и не желал признавать.

“Шэнь Янь боится меня, а ты?”

Холодная рука Шао Циньхана внезапно опустилась на затылок Шэнь Ляна, затем сильно сжала, притягивая его ближе, и его голос стал тише: “Что насчет тебя, Шэнь Лян?”

А что насчет тебя, Шэнь Лян...? Братья Шэнь были похожи внешне, но из-за их разных характеров перепутать их было невозможно.

Шэнь Янь был хрупким и грациозным, во всем его теле чувствовалась самодисциплина. Шэнь Лян был ленивым, хмурился и слегка улыбался, как будто намеренно пытался кого-то соблазнить, вводя в заблуждение.

Шэнь Лян искренне ответил: “В некоторой степени”.

Он его совсем не боялся, но не мог этого сказать. Шао Циньхань пристально посмотрел ему в глаза, пытаясь понять, лжет ли он, но ответ был отрицательным. Чувство сожаления внезапно возникло в его сердце, и конец его фразы растворился в воздухе: “Правда? Жаль, что он не такой, как ты...”

Это “он”, несомненно, относилось к Шэнь Яню.

Шэнь Лян думал, что Шэнь Янь был тем, кому не следовало бояться Шао Циньхана. В оригинальной истории максимум, что сделал Шао Циньхань, это запер его на несколько дней, он даже пальца не ушиб. Вы должны знать, что позже Су Циньян однажды захочет порвать с Шэнь Янем из-за давления семьи и сильно его этим обидит.